

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-455-470

EDN: RORQQF

Научная статья / Research article

Исследование аксиологических оснований российской государственности: перспективы использования метода политико-текстологического анализа

О.Е. Сорокопудова^{1,2} , Д.В. Миронов^{1,2}

¹Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Российская Федерация

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

 srkpdv@gmail.com

Аннотация. Исследование исторических и аксиологических основ российской государственности напрямую связано с проблемами национальной и гражданской идентичности и отвечает задаче обеспечения и защиты политического суверенитета и национальной независимости. На основании анализа большого корпуса сочинений отечественных мыслителей, писателей, поэтов, религиозных и государственных деятелей XIX в. было реконструировано содержание таких базисных ценностей, как «свобода», «правда» и «справедливость», которые сохраняли свое значение на протяжении всей истории России, однако содержательно трансформировались в общественном идейно-политическом дискурсе. Исследование источников проводилось на основе поисковой базы Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В общей сложности была проведена работа с более чем 7500 документами, созданными в период 1801–1900 гг. Основными методами исследования помимо общенаучного методологического аппарата стали контент-анализ и политико-текстологический анализ. Понятие «свобода» было значимо на протяжении почти всей истории России, в XIX в. к разным ее аспектам обращались не только мыслители и общественные деятели самых разных идеологических направлений, но и публицисты, поэты и литераторы. Характерно, что правовое, рационалистическое понимание свободы почти у всех исследованных авторов этого периода сопрягалось с нравственным и даже религиозным содержанием. Понятие «правда», несмотря на то что в XIX в. употреблялось в своем сущностном значении гораздо реже, чем в предыдущие века, все равно сохраняет свое важное аксиологическое значение в отечественной интеллектуальной традиции и представляет собой сложный нравственно-социальный идейный комплекс. «Правда» как социально-политическое

© Сорокопудова О.Е., Миронов Д.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

понятие совмещает в себе как ценности и смыслы православного праведного образа жизни каждого отдельного человека, так и принципы и цели истинного справедливо-го общественного и государственного устройства. Понятие «справедливость» наравне с правдой и свободой является краеугольным камнем российского представления об идеальном общественном и государственном устройстве. Спецификой отечественного идейно-политического дискурса является то, что понятие справедливости неразрывно связано как с личностью, так и с обществом и государством, получая нравственное обоснование необходимости следования этому принципу каждым, прежде всего, во имя общего и затем, как следствие, во имя собственного блага.

Ключевые слова: свобода, правда, справедливость, духовно-политические ценности, аксиологические основы, российская государственность

Для цитирования: *Сорокопудова О.Е., Миронов Д.В.* Исследование аксиологических оснований российской государственности: перспективы использования метода политико-текстологического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 455–470. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-455-470>

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта № FZNF-2022-0004 «Аксиологические основы российской государственности: история и современность», реализованного в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» по итогам отбора научных проектов, проведенных Министерством высшего образования и науки РФ и ЭИСИ.

Study of the Axiological Foundations of Russian Statehood: Prospects for the Application of Politico-Textological Analysis

Olga E. Sorokopudova^{1,2} , Denis V. Mironov^{1,2}

¹*State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation*

²*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,*

 srkpdv@gmail.com

Abstract. The study of the historical and axiological foundations of Russian statehood is directly related to problems of national and civic identity and addresses the task of ensuring and protecting political sovereignty and national independence. Based on the analysis of a large corpus of works by Russian thinkers, writers, poets, religious and state figures of the 19th century, the content of such basic values as “freedom”, “truth” and “justice” was reconstructed, which maintained their significance throughout the history of Russia, but were substantively transformed in the public ideological-political discourse. The research was conducted based on the database of the National Corpus of the Russian Language (NCRL). In total, work was done with more than 7500 documents created during the period from 1801 to 1900. The main research methods, in addition to the general scientific methodology, were content analysis and politico-textological analysis. The concept of “freedom” was significant throughout almost the entire history of Russia, and in the 19th century, various aspects of it were addressed not only by thinkers and public figures of different ideological orientations, but also by publicists, poets, and writers. Interestingly,

the legal and rational understanding of freedom was almost always combined with a moral and even religious content in the works of the authors of this period. The concept of “truth”, despite being used in its substantive sense much less frequently in the 19th century than in previous centuries, still retains its important axiological value in the Russian intellectual tradition and represents a complex moral-social ideological complex. “Truth” as a social-political concept combines both the values and meanings of the Orthodox righteous way of life of each individual and the principles and goals of a truly just social and state system. The concept of “justice” is a cornerstone of the Russian vision of an ideal social and state structure, along with truth and freedom. The specificity of the domestic ideological-political discourse of the 19th century is that the concept of justice is inseparably linked with both the individual and society and the state, receiving moral justification for the necessity of following this principle first and foremost in the name of the common good, and then, as a consequence, in the name of one’s own well-being.

Keywords: freedom, truth, justice, spiritual and political values, axiological foundations, Russian statehood

For citation: Sorokopudova, O.E., & Mironov, D.V. (2023). Study of the axiological foundations of Russian statehood: Prospects for the application of politico-textological analysis. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 455–470. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-455-470>

Acknowledgements: The article was prepared as part of the project No. FZNF-2022-0004 “Axiological foundations of Russian statehood: history and modernity” implemented at the State Academic University for the Humanities based on the results of the selection of scientific projects conducted by the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation and the EISI.

Введение

Одной из принципиальных задач сохранения и развития российской государственности во все времена является обеспечение и защита политического суверенитета и национальной независимости. В нынешних условиях очевидно, что эта задача напрямую связана с сохранением исторической памяти и национально-гражданской идентичности, которая опирается на комплекс базисных идеалов и ценностей [Перевезенцев, Пучнина, Страхов, Шакирова 2021a], основанных на собственном историческом опыте, но вбирающих в себя все положительные новшества, которые несет с собой социальный, информационный и технологический прогресс. В этой связи особенно актуальным является изучение исторических и аксиологических основ российской государственности как фактора устойчивого развития и посткризисного восстановления России [Селезнева, Антонов 2020].

В качестве материала для анализа был взят большой корпус сочинений отечественных мыслителей, писателей, поэтов, религиозных и государственных деятелей XIX в., который является одним из самых значительных по интенсивности и разнообразию в отечественной интеллектуальной истории, что позволило увидеть различные формы проявления аксиологических основ российской государственности — на примере понятий «свобода», «правда» и «справедливость».

Сохранение их ценностного потенциала и на современном этапе позволяет сделать вывод о существовании этих ценностных понятий на протяжении всей многовековой истории отечественной государственности.

Исследование источников проводилось на основе поисковой базы Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) [Национальный корпус]. В общей сложности была проведена работа с более чем 7500 документами, созданными в данный исторический период (1801–1900), в которых использовались слова «свобода», «правда», «справедливость». Так, понятие «свобода» встречалось в 2012 документах основного корпуса и 1305 документах поэтического корпуса; понятие «правда» — в 2759 и 383 соответственно; понятие «справедливость» — в 1070 и 11 соответственно. Основными методами исследования помимо общенаучного методологического аппарата являлись контент-анализ и политико-текстологический анализ¹.

Следует отметить, что, несмотря на то, что в большей части текстов указанные слова использовались как фигуры речи, устоявшиеся фразеологизмы или вводные слова и не имели какого-либо специфического идейно-политического содержания, проведенный анализ тем не менее позволил выделить большие смысловые блоки, характеризующие содержание общественного идейно-политического дискурса этого периода.

Понятие «свобода» в идейно-политическом дискурсе XIX в.

«Свобода» как ценность — наиболее многозначное понятие, на протяжении всего XIX в. она почти постоянно становилась предметом рассуждения представителей отечественной интеллектуальной мысли всевозможных направлений, общественных деятелей, писателей и поэтов. Свободу рассматривали и применительно к конкретному правовому обеспечению прав человека, и как предельно философскую категорию. При этом давно отмечено, что отечественная литература и социально-политическая мысль очень философичны по своей природе, не столько интересуясь утилитарным и преходящим, сколько оценивая любое явление сквозь призму вечности. Актуальность политико-текстологического исследования отечественной интеллектуальной мысли прошлого сегодня становится особенно очевидна, когда встает необходимость анализировать ценностное измерение современных политических процессов в контексте цивилизационной специфики России [Селезнева 2020].

Так, в мировоззрении русского человека с XIX в. уже вполне прижились и обосновались рационалистические трактовки прав и свобод человека, воспринятые еще от эпохи Просвещения, как фундаментальные для основания желательного общественного устройства. О свободе в политическом и гражданском отношении

---

¹ Метод давно доказал свою эффективность и широко применяется в рамках научной школы кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Подробнее об этом см.: [Ширинянц 2016, Вестник МГУ].

писал М.М. Сперанский². Гражданские свободы гарантировали в своих социально-политических проектах декабристы П.И. Пестель³ и Н.М. Муравьев⁴.

Свободу как один из самых существенных элементов общественного благосостояния и политического могущества рассматривал Б.Н. Чичерин⁵. Прямая взаимосвязь между реализацией свободы и политической властью была для него очевидна. И при этом Чичерин прекрасно понимал, в какой форме возможна действительная и истинная реализация свободы в России: «Из самого существа дела вытекает и то, что для России идеалом представительного устройства может быть только конституционная монархия. Из двух форм, в которых воплощается политическая свобода, ограниченная монархия и республика, выбор для нас не может быть сомнителен. Монархическая власть играла такую роль в истории России, что еще в течение столетий она останется высшим символом ее единства, знаменем для народа. Долго и долго еще она сохранит первенствующее значение в государственных учреждениях. Единственное, о чем позволительно у нас мечтать, это приобщение к ней народного представительства, облеченного действительными, а не мнимыми правами»⁶.

Классическое понимание свободы как правового положения граждан в государстве выразил, например, общественный деятель и публицист В.А. Гольцев: «Свобода личности в деле веры, мысли и слова, ее неприкосновенность, при ответственности перед законом, судом и общественным мнением — вот главное основание, на котором должно покоиться правильное общественное устройство. Ответственность перед законом всех, без изъятия, носителей власти, как правительственных, так и общественных, при возможности для каждого обиженного искать перед независимым судом восстановления своего нарушенного права, — вот надежное средство для охранения свободы и правильного развития личности»⁷. Безусловно, вряд ли найдется кто-либо и сегодня, кто бы стал оспаривать ценность подобных установлений государственного порядка.

Однако рационалистическое понимание свободы в отечественном идейно-политическом дискурсе сочетается с духовно-нравственным осмыслением этого явления. Помимо обоснования необходимости расширения пределов свободы человека в обществе и государстве, установления свободы печати,

---

² Сперанский М.М. Еще нечто о свободе и рабстве // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века: хрестоматия / сост.: А.А. Ширинянц, И.Ю. Демин. М.: Издательство Московского университета, 2011.

³ Пестель П.И. Русская правда // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века: хрестоматия / сост.: А.А. Ширинянц, И.Ю. Демин. М.: Издательство Московского университета, 2011.

⁴ Муравьев Н.М. Конституция // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века: хрестоматия / сост.: А.А. Ширинянц, И.Ю. Демин. М.: Издательство Московского университета, 2011.

⁵ Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России // Опыт русского либерализма: антология. М.: Канон, 1997.

⁶ Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России // Опыт русского либерализма: антология. М.: Канон, 1997. С. 56.

⁷ Гольцев В.А. Внутреннее обозрение [январь] // Русская мысль. 1881. № 1.

передвижения, занятий, владения имуществом и т.д. в интеллектуальной мысли России XIX в. происходил одновременный анализ истинных основ, перспектив и последствий этого «освобождения», особенно в контексте специфики нашей национальной истории. Следует отметить, что все эти аспекты понимания свободы как ценности в XIX в. сохраняют свое актуальное значение и в современной гражданской и политической практике [Перевезенцев, Пучнина, Страхов, Шакирова 2021b].

Свободу как единственный способ морального освобождения и нравственного совершенствования русского человека, веками скованного страхом и гнетом, рассматривал, например, М.А. Бакунин, поскольку она облагораживает и возвышает его⁸, а Н.Г. Чернышевский рассуждал о границах власти государства над личностью и условиями общего прогресса⁹.

Однако многие авторы неоднозначно относились к свободе, ставя под сомнение ее априорную ценность как для личности, так и государства. Так, например, М.Е. Салтыков-Щедрин указывал на то, что свобода в общественной дискуссии выступает не столько как содержательное понятие, сколько как некие рамки действия, а значит, служить целью сама по себе она не может. «Свобода, как принцип, действительно признается всеми, и все партии охотно пишут это слово на своем знамени, потому что привлекательность его освящена преданием. Но те же партии очень хорошо понимают и его растяжимость и знают, что оно ровно ни к чему не обязывает. Свобода в этих случаях принимается как нечто отвлеченное, совершенно независимое от того содержания, которым она наполняется»¹⁰.

Об опасности вольной трактовки свободы предупреждали многие мыслители, поскольку они чутко уловили, что понятие свободы очень часто означает не столько независимость, сколько произвол. Это прекрасно иллюстрирует известный афоризм В.О. Ключевского: «Под свободой совести обыкновенно разумеется свобода от совести»¹¹. О том, что для полноценного и созидательного проявления свободы человека нужны четкие рамки и границы, писал, например, Н.К. Михайловский. «Свобода не значит распущенность <...> Это не свобода, ежели я ежеминутно могу оказаться во власти какой-нибудь непредвиденной комбинации обстоятельств. Флюгера на вид очень свободны, вертятся и вправо, и влево, но ведь они повинуются малейшему дуновению ветра, а когда „безоблачно небо, нет ветра с утра, — в большом затруднении торчат флюгера: уж как ни гадают, никак не добьются, в которую сторону им повернуться“. Свободное отношение к явлениям жизни возможно, напротив, лишь тогда, когда

⁸ Бакунин М.А. Исповедь // Собрание сочинений и писем 1828–1876 / подред. Ю.М. Стеклова. Т. 4. М., 1935. С. 135.

⁹ Чернышевский Н.Г. Экономическая деятельность и законодательство // Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1986.

¹⁰ Салтыков-Щедрин М.Е. Один из деятелей русской мысли // Собр. соч.: в 20 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1970. С. 148.

¹¹ Ключевский В.О. Записная книжка // Сочинения: в 9 т. Т. IX: Материалы разных лет. М.: Мысль, 1990.

в человеке сложились убеждения, достаточно прочные, чтобы противостоять временным и случайным дуновениям, чтобы всякий факт, ничтожный, заурядный или крупный, радостный, возмутительный или безразличный, нашел свое место в системе убеждений»¹².

Особое внимание авторы уделяли возможностям влияния на общество свободной печати, при этом многие указывали на очевидные опасности скорой и неконтролируемой свободы слова. Так, Б.Н. Чичерин писал: «Свобода печати, главным образом периодической, которая одна имеет политическое значение, необходима там, где есть политическая жизнь; без последней она превращается в пустую болтовню, которая умственно развращает общество. Особенно в среде мало образованной разнузданная печать обыкновенно становится мутным потоком, куда стекаются всякие нечистоты, вместилищем непереваренных мыслей, пошлых страстей, скандалов и клеветы. Это признается самими либеральными западными публицистами, беспристрастно наблюдающими явления жизни. В России периодическая печать в огромном большинстве своих представителей явилась элементом разлагающим; она принесла русскому обществу не свет, а тьму»¹³.

Для отечественной традиции характерно и осознание свободы человека не через индивидуализм и рационализм, а через религиозно-нравственное мировосприятие — как обязанность и ответственность по отношению к другому. В этом отношении интересны суждения К.Н. Леонтьева о том, что свобода может не столько способствовать развитию и прогрессу, сколько препятствовать, являясь «противоосновным» состоянием для России: «Все, что усиливает личную свободу (т.е. своеволие) большинства, не есть основа, а большее или меньшее расшатывание основ»¹⁴.

Неслучайно К.С. Аксаков разводит понятия политической и нравственной свободы, утверждая, что русский народ «негосударственный», он не хочет и не стремится к политической свободе, сознательно вверяя ее в руки власти, а взамен требуя себе свободы нравственной, «свободы жизни и духа»¹⁵ (мысли и слова). Именно в этом, по мнению Аксакова, главное отличие русской истории и западноевропейской, и это нужно учитывать, стремясь непременно прибегать к общеевропейскому прогрессу.

Особенно актуально и злободневно выглядят сегодня рассуждения о свободе как национальном и политическом суверенитете. О свободе выбирать собственный путь развития, без оглядки на «общепризнанный» образец, писал в свое время, например, поэт П.А. Вяземский: «Послушать, век наш — век свободы! /

¹² Михайловский Н.К. Н.В. Шелгунов // Литературная критика и воспоминания. М.: Искусство, 1995. С. 322.

¹³ Чичерин Б.Н. Задачи нового царствования // К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Том I. М.: Государственное издательство, 1923.

¹⁴ Леонтьев К.Н. Владимир Соловьев против Данилевского // Восток, и Славянство. М.: Республика, 1996.

¹⁵ Аксаков К.С. О внутреннем состоянии России // Русская социально-политическая мысль. 1850-860-е годы: хрестоматия / сост.: А.А. Ширинянц, И.Ю. Демин. М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 55–57.

А в сущность глубже загляни: / Свободных мыслей коноводы / Восточным деспотам сродни. / У них два веса, два мерила, / Двоякий взгляд, двоякий суд. / Своим дается власть и сила, / Своих наверх — других под спуд! / У них на все есть лозунг строгий / Под либеральным их клеймом: / Не смей идти своей дорогой, / Не смей ты жить своим умом!»¹⁶.

И, конечно, самым концентрированным, драматичным суждением о свободе в XIX в. стала «Легенда о Великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского, которого по праву считают «выразителем» загадочной русской души: «Нет ничего обольстительнее для человека, как свобода его совести, но нет ничего и мучительнее. И вот вместо твердых основ для успокоения совести человеческой раз навсегда — ты взял все, что есть необычайного, гадательного и неопределенного, взял все, что было не по силам людей, а потому поступил как бы и не любя их вовсе, — и это кто же: тот, который пришел отдать за них жизнь свою! Вместо того чтоб овладеть людскою свободой, ты умножил ее и обременил ее мучениями душевное царство человека вовеки!»¹⁷.

Таким образом, для отечественного идейно-политического дискурса ценность свободы значима на протяжении почти всей истории, к разным ее аспектам неизменно обращались не только мыслители и общественные деятели самых разных идеологических направлений, но и публицисты, поэты и литераторы. Примечательно, что политическое, правовое, рационалистическое понимание свободы почти у всех исследованных авторов сопрягается с нравственным и даже религиозным содержанием, что характеризует в том числе и современный общественный дискурс о свободе.

Понятие «правда» в идейно-политическом дискурсе XIX в.

Следующим важным ценностным компонентом российского общественно-политического сознания можно выделить понятие «правда». Несмотря на то, что в XIX в. понятие «правда» употребляется в своем содержательном значении гораздо реже, чем в предыдущие века, — в большинстве изученных документов оно используется как фигура речи, частица или вводное слово, тем не менее аксиологическое содержание «правды» сохраняется. Можно реконструировать сохраняющийся аксиологический комплекс понятия «правда», содержащий при этом внутреннюю драматичность и изначальный конфликт. Так, в общественном сознании сохраняется идея о существовании двух «видов» правды — Небесной и Земной, однако они отнюдь не являются равноценными. Истинной и непреходящей правдой является Царство Божие. Эта правда вечная, а значит, это единственный и абсолютный ориентир для человека и общества во все времена. Это

¹⁶ *Вяземский П.А.* «Послушать — век наш век свободы...» // Стихотворения. Л., 1986. С. 360.

¹⁷ *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 286.

отражается даже в устойчивых выражениях и народных пословицах: «все на свете минется, опять-таки одна только правда останется»; «ложью, как хошь верти, а правде путь один»¹⁸.

Земная правда выступает подчиненной небесной, в идеальном случае она является отражением правды Божией на земле, насколько это возможно в несовершенном земном мире, земная правда преходяща, зависит от многих условий и может лишь в большей или меньшей степени соответствовать правде Божественной.

Земная правда как высшая ценность общественной жизни складывается из двух составляющих. Прежде всего это необходимость соответствия Божественной правде государственного устройства, которое оценивается как раз по степени его приближения к идеалу православного общежития в мире и согласии. Так, М.М. Сперанский писал: «Законы суть правда, по коим силы государственные действуют к охранению лица, чести и имущества народного. Чтоб законы были неподвижны, нужно, чтоб пределы сил правительства были непременно ограничены»¹⁹. Власть воспринимается в общественном сознании как охранительница и гарант существования божественной справедливости в обществе. Именно этот смысл отражает название самого известного свода правовых норм Киевской Руси, призванного установить и зафиксировать единые представления о земной справедливости в государственном масштабе — Русская Правда. И неслучайно уже в XIX в. революционер и декабрист П.И. Пестель дает такое же название своей социально-политической программе, отсылая тем самым к сущностному представлению русского человека об идеале общественного устройства. Он так определяет цель и действие своей «Русской Правды»: «верховная Всероссийская грамота, определяющая <...> коренные правила и начальные основы, долженствующие служить неизменным руководством при сооружении нового государственного порядка и составлении нового Государственного уложения»²⁰.

Второе всенепременное условие существования земной правды — усилия собственно человека, собственной свободной волею каждый раз избирающего праведный образ мыслей и действий. Отражением этой нравственной силы «правды народной» явился, по мнению В.С. Соловьева, Ф.М. Достоевский, поскольку всем своим творчеством он доказывал мысль о том, что «общественная правда не выдумывается отдельными умами, а коренится во всенародном чувстве, и, наконец, он понял, что эта правда имеет значение религиозное и необходимо связана с верой Христовой, с идеалом Христа»²¹.

¹⁸ Максимов С.В. Крылатые слова: избранное. М.: Сов. Россия, 1981.

¹⁹ Сперанский М.М. О коренных законах государства // Проекты и записки. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 41.

²⁰ Пестель П.И. Русская правда // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века: хрестоматия / сост.: А.А. Ширинянц, И.Ю. Демин. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 193.

²¹ Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Сочинения: в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 298–299.

Общественная правда — это нечто отличное от истины и формальной справедливости, что отражает цивилизационную специфику России и русского политического сознания до сих пор, несмотря на рационализм и прагматизм современного времени. Внутренняя правда находится в душе каждого человека, это совесть как голос Бога, который хотя и возможно заглушить требованиями разума, но невозможно полностью уничтожить. Именно поэтому в интеллектуальной мысли России XIX в. приоритет отдается именно «правде сердца», которая и выше и чище требований разума. Соловьев пишет, например, о том, что истинная правда постигается не умом, а чувством, и состоит она прежде всего в жалости или сострадании: «Правда, что другие существа подобны мне, и справедливо, чтобы я относился к ним так же, как к себе»²². Место «обитания» человеческой правды — сердце: «Нельзя жить, чтобы сердца не слушаться; оно есть то самое место, где настоящая правда. Недаром говорится пословица: „Что бог на сердце положит!“ Оно как стрелка в часах указывает, что в человеческой душе»²³.

И в этом обнаруживается принципиальная драма человеческого существования в христианском мировосприятии, которую очень лаконично выразил с своим стихотворением Д.С. Мережковский: «Мы же лгать обречены: / Роковым узлом от века / В слабом сердце человека / Правда с ложью сплетены»²⁴. Сложность соответствовать в мирской жизни требованиям Божественной правды приводит к тому, что появляется соблазн трактовать ее по-своему, отсюда уже возникает понятие «личной» правды, а то и вовсе «кривды»²⁵. Как верно отмечает писатель И.Н. Потапенко, «правда вообще горькое кушанье»²⁶ и велико искушение променять ее на свой покой.

Попытка же упростить задачу человеку, «убрать» Бога и его божественную правду, построить общество на идеалах рациональной справедливости и истины приводит к обратным результатам. Как отмечает К.П. Победоносцев: «„Рече безумен в сердце своем: несть Бог“, выступает ныне во всей своей силе. Правда его ясна как солнце, хотя ныне всеми „передовыми умами“ овладело какое-то страстное желание обойтись без Бога, спрятать Его, упразднить Его. Люди, по мысли добродетельные и честные, те задают себе вопрос, как бы сделать конструкцию добродетели, чести, и совести без Бога. Жалкие усилия!»²⁷, которые

²² Соловьев В.С. *Оправдание добра* / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. С. 177.

²³ Успенский Г.И. Из цикла «Очерки переходного времени» // *Собрание сочинений*: в девяти томах. Т. 8. М.: ГИХЛ, 1957.

²⁴ Мережковский Д.С. *Парки* // *Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917: антология*. М.: Наука, 1993.

²⁵ Название кривды народ объясняет тем, что неправда на земле пошла от первой женщины Евы, которую Бог создал из кривого ребра. Правда осталась у Бога, а кривда на земле. См. подробнее: [Максимов 1981].

²⁶ Потапенко И.Н. «Не герой» // *Спутники Чехова* / под ред. В.Б. Катаева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

²⁷ Победоносцев К.П. *Идеалы неверия* // *Московский сборник: сочинения*. СПб.: Наука, 1996.

ведут только к революциям, крови и большим жертвам под предлогом всеобщего благоденствия.

Устанавливая механически государственную справедливость, формальную и всеобщую, человек лишается нравственной свободы воли, привыкает слушать не внутренний голос Бога и совести, а общественное мнение. Стремление ко всеобщему формальному равенству, довольству, справедливости по существу только отдаляет человечество от Божественного замысла. И.С. Тургенев прозорливо подмечал сущностное отличие истины от правды: «Истина не может доставить блаженства... Вот правда может: это человеческое, наше земное дело... Правда и справедливость! За правду и умереть согласен. Вся жизнь на знании истины построена; но как это „обладать ею“?»²⁸.

К.Н. Леонтьев, критикуя рационалистическое понимание прогресса в его европоцентрической версии, писал: «но не имеют правдоподобия ни психологически, ни исторически, ни социально, ни органически, ни космически — всеобщая равномерная правда, всеобщее равенство, всеобщая любовь, всеобщая справедливость, всеобщее благоденствие. Эти всеобщие блага не имеют даже и нравственного, морального правдоподобия: ибо высшая нравственность познается только в лишениях, в борьбе и опасностях... Лишая человека возможности высокой личной нравственной борьбы, вы лишаете все человечество морали, лишаете его нравственного элемента жизни»²⁹.

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие «правда» в отечественной интеллектуальной традиции представляет собой особенно сложный нравственно-социальный идейный комплекс, совмещающая в себе как ценности и смыслы православного праведного образа жизни каждого отдельного человека, так и принципы и цели истинного справедливого политического устройства, и, несмотря на достаточно редкое словоупотребление в современном общественном дискурсе, сохраняет свое важное аксиологическое значение.

Понятие «справедливость» в идейно-политическом дискурсе XIX в.

Справедливость как понятие и ценность в интеллектуальной истории России также включает в себя несколько смыслов. Распространенное в XVIII в. значение справедливости как «общей пользы» [Перевезенцев, Ананьев 2023] в XIX в. отходит уже на второй план, уступая место пониманию справедливости как равноправия, правосудия и условия нравственного общежития.

И конечно, с XIX в. с развитием и обострением «социального» вопроса именно ценность «справедливости» становится одной из центральных категорий общественного бытия [Мареева 2015]. Выдающийся общественный

²⁸ Тургенев И.С. Истина и Правда. Стихотворения в прозе // Произведения в 12 т. Т. 10. М.: Наука, 1982. С. 186.

²⁹ Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Восток, Россия и Славянство. М., 1996

деятель и публицист В.А. Гольцев, обсуждая положение первого поколения в России, выросшего после отмены крепостного права, утверждал, что «мы твердо стоим на том, что сила и право — не одно и то же, и что в основу государственного и общественного строя должны быть положены справедливость и уважение к человеческой личности»³⁰. Справедливость стала пониматься не только как социальный идеал, который стоит того, чтобы за него бороться, но и как величайшая ценность, достойная того, чтобы пожертвовать очень многим, вплоть до собственной жизни. П.Л. Лавров даже считает это неотъемлемым правом человека: «Право бороться за истину и справедливость никто отнять у меня не может»³¹.

На протяжении всего XIX в., несмотря на то, что понимание справедливости, в отличие от понятия «правда», не несло обязательных религиозных коннотаций, было тесно и непосредственно связано с понятием нравственности. Справедливость сочеталась с нравственностью как на уровне государственного устройства, так и на уровне отдельного человека. Так, писатель Л.Н. Антропов указывал, что высший идеал государства — справедливость, поскольку именно она призвана примирять сиюминутные личные интересы граждан и обеспечивать всем «наибольшую сумму благосостояния»: «Общественная нравственность не должна делать насилия индивидуальной совести, но должна требовать от всех подчинения и даже, если нужно, самопожертвования»³². Ценность справедливости как принципиального основания государственности заключается в том, что государство, по мнению литератора и критика С.А. Юрьева, — это «выразитель народного разума в вопросах устройства и регулирования общественной стороны народной жизни, одна из нравственных сил, которыми побеждается грубая материальная сила стихийно-животного дарвиновского закона, перед которым преклоняется буржуазный либерализм с его принципом *laissez faire, laissez passer* и по которому сильные имеют право безвозбранно уничтожать слабых. Тогда как индивидуум преследует интересы минут своей преходящей жизни, государство ведает не только интересы настоящего, но и будущего, грядущих поколений, оберегает интересы столетий»³³.

Справедливость как «ограничение борьбы за существование»³⁴ на уровне отдельного человека является неким синонимом альтруизма, требующего «признавать равно за всеми другими то право на жизнь и благополучие, какое признается каждым за самим собою»³⁵.

³⁰ Гольцев В.А. Внутреннее обозрение [январь] // Русская мысль. 1882. № 1.

³¹ Лавров П.Л. Социальная революция и задачи нравственности // Философия и социология: избр. произв.: в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1965.

³² Антропов Л.Н. Русские раскольники и английские диссиденты // Русская Речь. 1881. № 4.

³³ Юрьев С.А. Социальные стремления человечества и народная правда, преимущественно русская // Русская мысль. 1882. № 8.

³⁴ Южаков С.Н. Органический прогресс в его отношениях к историческому прогрессу // Социологические этюды: в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1891.

³⁵ Соловьев В.С. Оправдание добра / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации. Алгоритм, 2012. С. 206.

Именно нравственное понимание справедливости, по мнению большинства авторов этого периода, может гарантировать гармоничное и долговременное существование общества и политического организма в целом, потому что создает общее пространство смыслов и ценностей. Так, например, И.С. Тургенев выразил эту мысль устами своего героя в романе «Накануне»: «— А ты знаешь такие слова, которые соединяют? — Да; и их немало; и ты их знаешь. — Ну-ка, какие это слова? — Да хоть бы искусство, так как ты художник; родина, наука, свобода, справедливость»³⁶.

П.Л. Лавров понимал справедливость еще более деятельно, настаивая, что справедливость — это синоним служения каждому общему благу: «Эта обязанность содействовать развитию других людей или обязательность убеждения, перенесенная в область общественных сношений, есть справедливость, единственная нравственная связь общества»³⁷. В рамках идеологии народничества даже предполагалось, что по мере развития прогресса в конечном итоге в здоровом и лишенном конкуренции обществе справедливость в своих результатах должна совпасть с личной пользой³⁸.

Неразрывная связь справедливости и нравственности в отечественной традиции XIX в. особенно заметна, поскольку требования справедливости как равенства в распределении каких-то материальных благ почти не встречаются. Практически всегда справедливость понимается не как право, а как обязанность человека. Яснее всего это значение выразил В.С. Соловьев: «Справедливость, в нравственном смысле, есть некоторое самоограничение своих притязаний в пользу чужих прав; справедливость, таким образом, является некоторым пожертвованием, самоотрицанием»³⁹.

Важно и то, что справедливость — это не абстрактное и слепое равенство всех и вся. «Справедливость заключается между прочим и в том, чтобы не равно относиться к неравному»⁴⁰, — писал В.А. Гольцев. Об этом же говорил и Б.Н. Чичерин: «...тут недостаточно ссылаться на справедливость, утверждать, что все граждане одинаково должны нести государственные тяжести. Справедливость отнюдь не требует, чтобы те, которые носят в себе сознание свободы и права, которые в состоянии думать и говорить, подчинялись налагаемым на них тяжестям на одинаковом основании с теми, которые не способны ни к тому, ни к другому. Прокрустово ложе служит выражением не справедливости, а тирании»⁴¹.

Примечательно, что многие авторы понимали и опасность ложно понятой справедливости для общественного порядка. К.Н. Леонтьев отмечал, что «в

³⁶ Тургенев И.С. Накануне : Отцы и дети: романы. М.: АСТ, 2001.

³⁷ Лавров П.Л. Социальная революция и задачи нравственности // Философия и социология: избр. произв.: в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1965.

³⁸ Там же.

³⁹ Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве // Собрание сочинений. Т. 3. СПб., 1912. С. 8.

⁴⁰ Гольцев В.А. Внутреннее обозрение [февраль] // Русская мысль, 1881. № 2.

⁴¹ Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России // Опыт русского либерализма. Антология. М.: Канон, 1997. С. 65.

жизни и любовь, и великодушие, и даже ложно понятая справедливость — могут порождать зло»⁴². Вместе с тем М.Е. Салтыков-Щедрин считал, что даже нравственно понятая справедливость гораздо ближе по смыслу к «правосудию», чем к «снисходительности»: «справедливость и снисходительность — совсем не синонимы. Снисходительность есть дружеская стачка, есть кроткая взятка сердца, допущенная в пользу очень милого нам лица или очень любезного нам порядка вещей, тогда как справедливость есть простой анализ факта, в связи с его историей и окружающей средой»⁴³.

Таким образом, понятие «справедливость» наравне с правдой и свободой является краеугольным камнем российского представления об идеальном общественном и государственном устройстве на любом историческом этапе [Касамара, Максименкова, Сорокина 2020]. Но, что характерно для отечественного идейно-политического дискурса, понятие справедливости даже в политической плоскости неразрывно сопрягается не только с обществом и государством, но и с личностью, получая нравственное обоснование необходимости следования этому принципу каждым, прежде всего, во имя общего и затем, как следствие, во имя собственного блага.

Заключение

Проведенное исследование большого количества источников позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на значительные перемены в общественном сознании и социально-политической действительности России, аксиологические основы российской государственности продолжают оставаться столь же традиционными сегодня, как и в XI–XIX вв., в частности, понятия «свобода», «правда» и «справедливость» сохраняют свое значение важнейших ценностных духовно-политических категорий, «обрастая» новыми смысловыми нюансами и становясь сложными идейно-теоретическими комплексами.

Поступила в редакцию / Received: 19.10.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 12.03.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.04.2023

Библиографический список

Касамара В.А., Максименкова М.С., Сорокина А.А. Справедливость в представлениях российской студенческой молодежи // *Общественные науки и современность*. 2020. № 4 С. 20–30. <https://doi.org/10.31857/S086904990010748-4>

⁴² Леонтьев К.Н. Чем и как либерализм наш вреден? // *Восток, Россия и славянство: сборник статей*. Т. 2. М., 1886.

⁴³ Салтыков-Щедрин М.Е. *Наша общественная жизнь* // *Собр. соч.: в 20 т.* Т. 6. М.: Художественная литература, 1966. С. 55.

- Мареева С.В. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7, № 2. С. 109–119 <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.2.109-119>
- Перевезенцев С.В., Ананьев Д.А. Аксиологические основы российской государственности: «правда» и «справедливость» в отечественном идейно-политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 1. С. 21–37. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-21-37>
- Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. К вопросу о методологических принципах изучения российских базисных традиционных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021а. Т. 27, № 4. С. 113–133. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4-113-133>
- Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. «Отечество находится не в географии...»: К вопросу об эволюции традиционных духовно-политических ценностей российской цивилизации // Тетради по консерватизму. 2021б. № 3. С. 263–283.
- Селезнева А.В., Антонов Д.Е. Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 227–241. <https://doi.org/10.17223/1998863X/58/21>
- Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, № 3. С. 20–32. <https://doi.org/10.18721/JHSS.11302>
- Ширинянц А.А. Политическая текстология на кафедре истории социально-политических учений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2016. № 4. С. 92–95.

References

- Kasamara, V., Maximenkova, M., & Sorokina, A. (2020). Russian students' perceptions of justice. *Social Sciences and Contemporary World*, 4, 20–30 <https://doi.org/10.31857/S086904990010748-4>
- Mareeva, S.V. (2015). Justice and inequality in the public consciousness of Russians. *Journal of Institutional Research*, 7(2), 109–119. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.2.109-119>
- Perevezentsev, S.V., & Ananiev, D.A. (2023). Axiological foundations of Russian statehood: “Truth” and “justice” in the domestic ideological and political discourse. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 21–37. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-21-37>
- Perevezentsev, S.V., Puchnina, O.E., Strakhov, A.B., & Shakirova, A.A. (2021a). On the methodological principles of studying Russian basic traditional values. *Bulletin of the Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science*, 27(4), 113–133. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4-113-133>
- Perevezentsev, S.V., Puchnina, O.E., Strakhov, A.B., & Shakirova, A.A. (2021b). “The Fatherland is not in geography...”: On the question of the evolution of traditional Spiritual and Political values of Russian civilization. *Notebooks on conservatism*, (3), 263–283. (In Russian).
- Selezneva, A.V., & Antonov, D.E. (2020). Value foundations of civic consciousness of Russian youth. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, (58), 227–241. <https://doi.org/10.17223/1998863X/58/21>
- Selezneva, A.V. (2020). Political values of Russian youth: Socio-cultural features and identification potential. *Society. Communication. Education*, 11(3), 20–32. <https://doi.org/10.18721/JHSS.11302>
- Shirinyants, A.A. (2016). Political textology at the Department of the History of Socio-political doctrines. *Bulletin of the Moscow University. Series 12: Political Sciences*, (4), 92–95.

Сведения об авторах:

Сорокопудова Ольга Евгеньевна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук, старший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: srkpdv@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-7862-4903)

Миронов Денис Владимирович — лаборант Научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук, младший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: denisdenmir@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-2480-2388)

About the authors:

Olga E. Sorokopudova — Candidate of Political Sciences, Leading Researcher of the Scientific and Project Department of Scientific and Innovation Management, State Academic University of the Humanities, Senior Researcher of the Department of History of Socio-Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: srkpdv@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-7862-4903)

Denis V. Mironov — Laboratory assistant of the Research and Design Department of the Scientific and Innovative Management, State Academic University of the Humanities, Junior Researcher of the Department of History of Socio-Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: denisdenmir@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-2480-2388)